

РОССИЯ СТАЛА... ДРУГОЙ

Нет, это не мои слова. Это Станислав Говорухин в первых же кадрах своего документального видеофильма «Александр Солженицын» (творческое объединение «Экран») напомнил, что писатель долго ждал возможности вернуться в Россию, но для этого она должна была стать свободной. И вот, продолжал режиссер, такой день наступил, Россия стала... Но здесь Говорухин сделал крохотную паузу и вместо требуемого по смыслу слова «свободной» произнес: «...другой». Этот мини-фрагмент, затерявшийся в двухсерийном фильме (а большинством зрителей, вероятно, и вовсе не замеченный), обозначил его вторую важнейшую тему, оставшуюся как бы «на периферии», — хотя бы в силу расстояния между заокеанским Вермонтом и собственно Россией — и в то же время, конечно, на протяжении всех двух часов показа присутствующую рядом с главной.

А главная тема ясна из названия фильма — Солженицын! Споры нет, разлучить русского писателя с Россией (не физически, а по сути) очень трудно, а уж Солженицына-то, творчество и жизнь которого насквозь пропитаны Россией, — невозможно. Это только габэшно-партийной мафий, 18 лет назад вышвыривавшей писателя из страны, могло повериться в такое: уберем, мол, «клеветника» — он там и захиреет, на вражьи хлеба, а «у нас» быстро позабудется. Получилось, естественно, наоборот: Россия о Солженицыне не забыла, а он, освобожденный от печальной необходимости тратить время и здоровье на дразни с «властями», посвятил Родине все свои силы, став ее пожизненным летописцем.

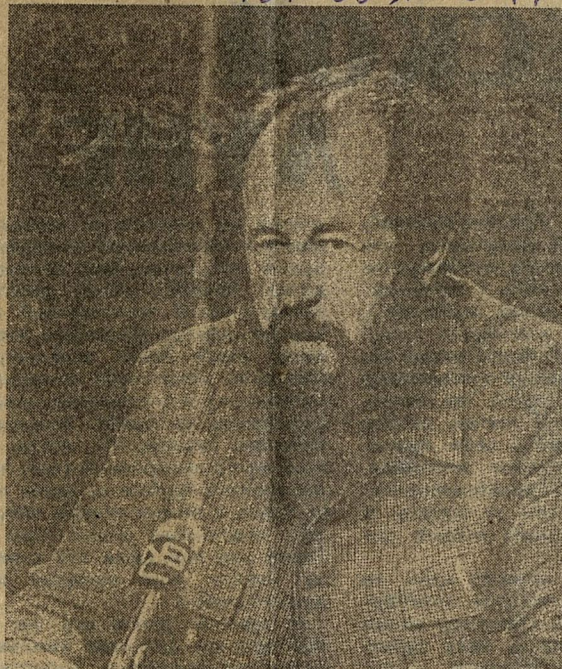
Жаль вот только, что со словом Солженицына нас так надолго разлучили — тут уж «они» добились определенного успеха. Конечно, его книги (в том числе и новейшие) просачивались сквозь сита таможен, копировались, перепечатывались, ходили по рукам, но — не стоит лукавить — они были достоянием весьма ограниченного круга читателей. Боюсь, что и сегодня многие в нашем обществе с большей или меньшей степенью искренности еще верят в того «Солженицына», которого так любезно преподносили нам средства массовой информации. До сих пор помнится здоровенный «работяга», лет 20 назад демонстрировавший в покойной программе «Время» свой кулачище и обещавший: «Дали бы этого Солженицына нам, рабочим, уж мы бы с ним поговорили...» Помню и то, как всего-то лет пять назад по ТВ показали какой-то мерзкий «документальный» фильм о русской эмиграции, включив туда и фрагмент о Солженицыне, видимо, долго и тщательно подбиравшийся: писатель жаловался невидимому собеседнику, что писать в СССР ему приходится на плохой бумаге... Ну теперь-то нас от этих низменных проблем и вовсе освободили: бумага стоит столько, что и иному издательству приобрести ее не под силу.

А в августе 1988 года «Книжное обозрение» неожиданно опубликовало «бомбу» — письмо Елены Чуковской о том, что недопустимо и дальше сохранять это бредовое положение, держа в разлуке солженицынское слово и тех, к кому оно обращено. Ах, какие волны, какие штормы пошли от этого листка бумаги, как гневался тогдашний «партийный идеолог» Вадим Медведев (для редактора газеты, помнится, этот гнев обернулся инфарктом), как возмущались иные «собратья»-писатели (драматург Шatrov, например)! Еще бы: ведь на фоне убийственной правды солженицынских книг-летописей (о литературной стороне дела я уж молчу) миглом померкли бы и дозированной «перестроечной» гласность, и новомодные «эпопеи»-однодневки, да мало ли...

Пожалуй, никогда еще за последние десятилетия (прежде-то аналоги были) не проявлялась столь ярко и наглядно мощная сила слова, как это случилось в противостоянии Солженицына и его запретителей. С одной стороны, как выражались еще недавно, «баррикада» было слово немолодого уже, источенного болезнями человека, с другой — гигантская империя, вооруженная мощнейшим пропагандистским аппаратом да и абсолютным арсеналом средств уничтожения (в фильме, как бы между делом, с восхитительной небрежностью писатель упоминает об эпизоде, когда сотрудники ГВ пытались физически «устранить» его). И победило слово! Ровно три года назад «Новый мир», а за ним другие журналы и издательства, торопясь и будто бы вынысав за десятилетия молчания, стали публиковать Солженицына. Это было замечательно, но именно возвращение солженицынского слова, совпав еще с одним изгибом нашей многострадальной истории, и заставляет снова задуматься об этой «второй теме» — о России, другой России.

Дело в том, что как раз 1989—1990 годы стали временем очередного «великого перелома», временем столкновения «шестидесятничества» иллюзий с, как говорится, суровой правдой жизни. Помнится, еще в 20-е годы Бунин в «Окаянных днях» удивлялся мощи и богатству старой, «дооктябрьской» России, которая все еще продолжала каким-то чудом существовать (хотя и под новой «вывеской») после нескольких лет крови, разрухи и разграбления. Но, согласитесь, семь десятилетий эксперимента на выживаемость — это уже перебор. И вот наше видимое благополучие, являвшееся по сути дела огромной потемкинской деревней, исчерпав все ресурсы страны едва ли не до дышка, в одночасье рухнуло. Не успев толком прислушаться к словам Солжени-

Экран и сцена. — 1992 — 10 — 17 сент.
(134-35) — с. 4.

цына, «переварить» их, страна погрузилась в водовороты экономической катастрофы, о неминуемом приближении которой, кстати, не раз предупреждал нас писатель, в частности в работе «Как нам обустроить Россию?». И в этой непривычной обстановке, наступившей как-то неожиданно, разом, народу в каком-то смысле оказалось не до Солженицына. Выжить бы...

Вполне допускаю, что кого-то из зрителей фильма о Солженицыне раздражили, а то и озлобили писательские миллионы (которые, кстати, почти полностью идут на благотворительный фонд его имени), прекрасная вермонтская вилла... Да, трудно сегодня не то чтобы связать, но даже сопоставить нашу и «их» жизнь. Распалась связь времен, распалось единство мира, видимость которого еще недавно все же худо-бедно сохранялась. Вот сию минуту, чтобы немного отвлечься, я открыл наугад «Филиал» Довлатова и сразу же наткнулся на сценку, где автор иронизирует над полунцим эмигрантом-экономистом, стреляющим у всех сигареты (что за российскими рубежами, как известно, не принято) и радующимся прибавке лишней пары тысяч долларов в год: это, мол, не деньги. Так ведь, дорогие мои, для нас то нынче это уж почти полмиллиона «деревянных»...

Но Солженицын и в этом смысле урок и пример для нас. Достаток, его атрибутика и даже собственный внешний вид не волновали писателя ни в недрах ГУЛАГа, ни в годы, когда его травлили и затыкали рот, ни сейчас, в пору оглушительного успеха. Конечно, как помнюто в фильме, иной сегодня может и сказать (и даже написать, хотя «Московский комсомолец», по-моему, в фильме обругали «не по делу»), что немудрено, мол, вещать из Вермонта. Но Солженицын-то «вещал» в полный голос и тогда, когда ценой слова была, могла оказаться собственная жизнь. И уж, наверное, не замолчал бы, не покривил душой ради сиюминутной выгоды, если бы сегодня окупился в наше безрадостное бытие, ибо свое сознание он определил давно, сам и навсегда. Ну а что до миллионов и до виллы, режущих кому-то глаз (за несколько дней, прошедших после телепремьеры фильма, довелось уже услышать и такие разговоры), так ведь писатель все это САМ заработал, своим горбом и здоровьем. А уж если мерить на «тамошние» мерки и на уровень реальных доходов Солженицына, то ничего особенного (кроме техники, необходимой для работы) у него, кажется, и нет.

Конечно, главная удача фильма Говорухина и по праву разделяющего с ним успех оператора Юрия Прокофьева — это сам Солженицын, его свободная, раскованная речь, яркие образы, мгновенная и сверхточная реакция на реплики собеседника... Я, честно говоря, побавлялся, что писатель предстанет перед нами таким всезнающим метром, недоступным пророком, вроде пародийного Симы Карнавалова из романа Войновича. Нет, мы увидели самого обыкновенного, в меру веселого человека, на котором как бы и не отпечатались возраст, нелегкая судьба, вставшая в себя и войну, и долгие годы неволи, и смертельную (но победенную!) болезнь, и злобную травлю... «Неужели ему уже 73 года? — думалось, глядя на кряжистую, подвижную фигуру писателя. — И что же помогает ему так стойко сносить удары судьбы, как бы и не замечая их вовсе?» Сам Солженицын сказал по этому поводу просто: «Когда смертельная болезнь отступила, я почувствовал, что вся возвращенная мне жизнь уже не моя, — она имеет ВЛОЖЕННУЮ цель». Да, порой кажется, что Солженицыным управляют силы неземные, ибо то, что он делает, давно превысило все мыслимые пределы человеческих возможностей.

Поражает и тот огромный труд, который приняли на себя родные писателя: четверо детей, теща, а прежде всего, конечно, жена. На плечи Натальи Солженицыной легла вся техническая работа по подготовке и изданию сочинений мужа: она и редактор их, и наборщик, и корректор, и даже критик-рецензент... В каких-то кадрах фильма она показалась немного чопорной, даже надменной, но это, видимо, неизбежный отпечаток добровольно избранной жизни, в которой нет места ни для единого лишнего движения, жеста, эмоции, ибо все подчинено этой «вложенной цели».

Впрочем, эмоции мы увидели в конце фильма, когда приехавшая вместе с сыновьями в Россию Наталья Солженицына едет по Москве и приближается к родному Тверскому бульвару, «Твербулю», которого она не видела все те же долгих 18 лет. Вот показался Пушкин, вот зияющая напротив него «дыра» (по слухам, этот квартал, знаменитый молочным кафе, шашлычной «Эльбрус» и кинотеатром документального фильма, снесли осенью 1976 года для того, чтобы спешно соорудить «геройский» биостик Брежнева, но потом передумали), вот здание ВТО — «Московских новостей», которое может сегодня служить отличной натурой для съемок какого-нибудь фильма ужасов в духе Лопушанского... А родной дом все ближе, ближе. Этих чувств не объяснить, да и объяснять не надо — все перед нами, на экране. Кажется, еще немного — и героиня заплачет, а кто-то у «ящика» обязательно сострит: богатые, мол, тоже плачут. Нет, не заплакала. Ну и мы тоже не заплачем.

Кстати, «о птичках»: каждую из серий о похождении Марианны прокручивают по ТВ трижды (1), а другой мексиканский сериал «Никто, кроме тебя», теперь уже показывает не только московская, но и петербургская программа. Без этих шедевров нам, конечно, не прожить. А вот для повтора (хотя бы утреннего) фильма о Солженицыне у руководства ТВ лишних двух часов не нашлось. Что ж, и в этом тоже можно разглядеть грустный символ нашего времени. Когда-то говорили: «Пушки вместо масла» (так обычно обличали злодеев-империалистов), теперь в пору сказать: «Марианна вместо Солженицына». Впрочем, надеюсь, что для большинства моих сограждан Солженицын, независимо от времени его пребывания на экране, все-таки важнее.

Но если говорить честно, то мне и того, что нам показала Говорухин и Прокофьев, в известном смысле «не хватило». Очень хотелось бы, чтобы повторное знакомство с Солженицыным было бы чуть-чуть подлиннее, ну хотя бы еще на пару серий. Понимаю, что и это-то время съемочная группа чудом «урвала» у писателя, строго хронометрирующего свое время, — а все равно жалко. Ведь за каждой «солженицынской» фразой встает огромная тема. Вот возник и мгновенно оборвался разговор о безоглядом засорении русского языка иностранными словами, о том, что много голландских слов наводняло наш язык еще при Петре, да потом все, как говорили Василий Иванович с Петкой, «сами отвалились». Зашел разговор и об одной из главных тем солженицынского послания «Как нам обустроить Россию?» — о перспективах союза трех славянских стран и Казахстана, о том, что у мусульманских государств, как ни крути, все равно иной путь... Не в том смысле, что он лучше или хуже, а просто другой. Ах, как интересно было бы развить эту тему: ведь и в послании писателя она, в общем, только намечена. Великолепен был и подмонтированный к фильму (так объяснил сам Говорухин) эпизод, когда Солженицын весело, как будто речь идет о скаке, загородном пикнике, рассказывает операторам про своих остопопов-следователей, которые даже толком не могли разобраться в материалах «дела».

Но что толку горевать о несбывшемся? Думаю, Говорухин «выжал» из ситуации все, что мог, отлично понимая, каким важным для нас станет сам факт появления фильма о Солженицыне — не случайно же он так не сразу, где-то к середине первой серии, показал нам самого писателя. Да и то, что Солженицын (учитывая его крайнюю занятость) согласился на съемки, сделал заметную паузу в своем многолетнем «отшельничестве», как говорится, дорогого стоит. Не сомневаюсь, что мы еще не раз увидим писателя, увидим его и на родине, «живьем», но при всех обстоятельствах фильм Говорухина и Прокофьева останется первым в этом ряду.

О публицистических картинах Говорухина много спорят, для кого-то они непримлемы категорически, особенно после присутствия режиссера в последнее время на некоторых сомнительных собраниях. Видимо, прав был Солженицын, сказавший, что сегодня долг писателя, да и каждого гражданина, — не включаться в суету, в групповые конфликты, а заниматься делом, оставаясь, конечно, самим собой.

Разговор с Солженицыным Говорухин вел достойно, без тени подобострастия (а ведь подобный риск ситуация предполагала). К месту, например, напомнил писателю о его же давних словах: «Не стой дерево с гнилым дуплом». Надо ли уточнять, насколько это сейчас про нас, про нашу жизнь? А, может, все-таки выстоим? Ведь выставил же, выжил Солженицын. И его спокойный, уверенный взгляд вселяет надежду...

Сергей БУРИН.